

и государственного самосознания уже в домонгольское время.

Безусловно, это явление неоднозначное: ведь тем самым судьба избавила нас от необходимости сделать духовное усилие для освоения чужого языка, которое по тем временам только и открывало возможности и перспективы приобщения к классическому наследию. И дело не в том, что Византийская церковь давала бóльшую свободу, нежели Римская, в отношении собственного богослужебного языка. Пример Болгарии, насильственно включённой в состав Византийской империи в начале XI века, показывает, что Константинополь последовательно грецизировал церковную жизнь народов, государственно ему подчинённых. В болгарских землях славянский язык уходит на культурную периферию, Церковь, а вместе с ней и вся национальная элита живут «по-гречески». Мы же занимали уникальное положение, являясь, с одной стороны, органической частью византийского цивилизационного пространства, а с другой — всегда сохраняя политическую самостоятельность.

Эта позиция — очень выигрышная с точки зрения самостоятельного духовного становления на основе собственного языка — всё-таки несколько расхолаживала нас в отношении освоения чужого, а

ведь именно туда уходили корни нашего христианства. Раннее государственное и культурное самоопределение не очень мотивировало Русь к внимательному и напряжённому ученичеству, к усвоению духовных богатств христианской культуры в их максимально полном объёме, не говоря уже о приобщении к основополагающим достижениям классической древности. В результате мы остались несколько в стороне от античного и раннехристианского культурного наследия: оно было чем-то родным, близким, доступным для интеллектуалов, но всё же остающимся как бы за некоторой пеленой. Давайте посмотрим на собственно церковную литературу Древней Руси: в ней господствуют сочинения учительные (гомилетические), даже катехизаторские. Да что говорить о Древней Руси. Вплоть до XVIII, даже XIX века духовный взор русского человека был фактически замкнут в сфере литургической жизни, у нас не было самостоятельной традиции догматического или экзегетического богословствования. А ведь это — школа национальной мысли, в которой, между прочим, вызревает и философия.

В. П. Верещагин. Освобождение от язычества. Закладка Десятинной церкви в Киеве. 988 г. Хромолитография. 1893 г.

— То есть, Александр Васильевич, если несколько заострить Вашу мысль, получается, что Вы не ощущаете Русь Олега и Святослава как «свою»... Получается некий разрыв преемственности между языческой государственностью и христианской державой Владимира и его наследников.

— Если заострить, то — да. Но, конечно, здесь нужно сделать целый ряд оговорок. Обратимся к митрополиту Илариону. Конечно, для него существовала большая разница между Русью дохристианской и той, которая родилась в благодатном подвиге князя Владимира. И всё же Иларион настойчиво связывает эти две Руси, перекидывая мостик к языческой предыстории, когда говорит в своей Похвале Владимиру о том, что тот — «внук древнего Игоря, сын же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах... Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в земле Русской, что ведома и слышима во всех четырёх концах земли». Значит, для Илариона языческая предыстория существенна, и мы должны отнестись к этому элементу его самосознания и его историософии с глубоким вниманием и уважением.

